

Константин Погудин

Горящий воздух

Константин Погудин

Горящий воздух

<https://litres.ru/74603354>

SelfPub; 2026

Аннотация

Ноябрь 1734 года. Огюстен Мерсье вычисляет положение пятой станции: она лежит в Ливийской пустыне, и увидеть её можно только в полдень летнего солнцестояния, когда исчезают тени. До этого дня остаётся семь месяцев, и пройти нужно полторы тысячи миль по пескам, где за каждым колодцем стоит чужая воля.

В Триполи к экспедиции присоединяется старый караванщик Идрис бен Салем, в оазисе Гат — Тафсут, хранительница туарегского «Ока», а по следам идёт француз Кремье, посланник амстердамского купца Ван Хорна. Песчаные бури, миражи, лгушие о том, где находится вода, и немой человек в чёрном, чьи намерения никто не может разгадать, ждут тех, кто решился идти в Тенере, «пустоту, которая смотрит».

Новая книга цикла — о том, как не поверить собственным глазам, о знании, которое нельзя купить, и о голосах, которые вспоминают друг друга сквозь тысячелетия.

Содержание

Глава первая. Письмо в Тунис	4
Глава вторая. Караванный город	15
Глава третья. Дорога через гамаду	26
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Константин Погудин

Горящий воздух

Глава первая. Письмо в Тунис

Письмо в Тунис

Ууна увидела пальму и остановилась так резко, что идущий следом Бонвиль наткнулся на неё с тяжёлым мешком и выругался по-французски.

Это было в ноябре тысяча семьсот тридцать четвёртого года, на набережной Гулетты, порта Туниса, где «Сент-Клэр» бросил якорь после четырёх месяцев пути. За спиной у них остались Копенгаген, Ла-Манш, холодный Бискай, мыс Сент-Висент и узкие, пахнущие рыбой и смолой гавани Средиземного моря. Впереди, за низкой белой стеной таможи, раскинулся город: плоские крыши, купола мечетей, узкие улицы, по которым двигалась пёстрая толпа в тюрбанах, бурнусах и широких штанах. А над всем этим, на фоне ясного синего неба, покачивались верхушки пальм.

— Дерево, — сказала Ууна. Она сказала это по-английски, потом повторила на своём языке, как будто проверяя, не ошиблась ли. — Дерево с листьями наверху.

— Пальма, — ответил Мерсье. — Финиковая. Они дают плоды, тень и волокно. Здесь без неё нельзя.

— Я знаю про деревья. В сказках. Дед рассказывал, что за морем растут леса. Я не верила.

Она подошла к ближайшей пальме и положила ладонь на ствол. Чешуйчатая кора была тёплой, шершавой. Ууна провела по ней пальцами и вдруг рассмеялась, тихо, с удивлением, как смеются дети, получившие в подарок что-то давно желанное.

Прохожие оборачивались. Какой-то мальчишка-торговец,

нёсший на голове поднос с лепёшками, остановился и уставился на неё: на меховую парку, которую она не хотела снимать даже в тридцатиградусную жару, на смуглое скуластое лицо, на костяные бусы в чёрных косах. Ууна встретила его взгляд и так же серьёзно, без улыбки, кивнула. Мальчишка поклонился и, смутившись, поспешно ушёл.

— Снимите парку, — тихо посоветовала Блэквуд. — Вы сваритесь.

— Мне не жарко.

— Это пока.

Консул Барклай жил на тихой улице у стен медины, в каменном доме с внутренним двором, где журчал фонтан и пахло жасмином и свежим хлебом. Это был невысокий круглый человек лет шестидесяти, с красным лицом, живыми голубыми глазами и привычкой смеяться над собственными шутками, не дожидаясь, пока засмеются другие. Двадцать лет назад он командовал фрегатом, потом получил консульство в Тунисе и, по собственным словам, прирос к этому месту, как лишайник к камню.

Он встретил Торна на пороге, широко раскинув руки.

— Реджи! Господи, да ты постарел, как моё вино!

— Ты тоже не помолодел, Томас.

— Это от жары. Входи, входи. И вас прошу, господа. — Барклай обвёл взглядом остальных: Блэквуд, Мерсье, Амару, Ууну, Финча, Инес. — Господи. Столько людей. Давайте, давайте во двор. Эй, Мустафа! Кофе! И сладкого, много

сладкого!

Они расселись под навесом, на низких диванах, подложив под спины подушки. Слуга-африканец, молчаливый и величавый, внёс на подносе маленькие чашки с густым ароматным кофе и блюдо с липкими медовыми шариками. Барклай, не дожидаясь вопросов, рассказывал сам: о делах консульства, о тунисском бее, который то любил англичан, то терпеть не мог, о том, что в городе вспыхнула вражда между двумя претендентами на престол, и о том, что всякий иностранец, желающий выехать на юг, должен заплатить пошлину трём разным чиновникам, которые друг с другом не разговаривают.

— Но довольно обо мне, — сказал он наконец. — Я получил твоё письмо из Копенгагена, Реджи. Оно странное. Ты просишь найти проводника в пустыню для экспедиции, цели которой не называешь. Что за экспедиция?

Торн посмотрел на Блэквуд. Та едва заметно кивнула.

— Научная, — сказал он. — Мы ищем один объект в Ливийской пустыне. Древнюю обсерваторию. Сведения о ней есть в записях моего брата.

— Эдварда?

— Да.

Барклай замолчал. Улыбка исчезла с его лица. Он поставил чашку на низкий столик и несколько секунд смотрел на Торна, как на человека, вернувшегося с того света.

— Я думал, он умер, — тихо сказал он.

— Он умер. Но оставил письмо.

— Ты нашёл его?

— Нашёл.

Барклай медленно кивнул. Потом встал, подошёл к фонтану, опустил в воду ладонь и долго стоял, глядя на струю. Когда он заговорил, голос его был глухим:

— Прости, Реджи. Я не знал. Я много раз хотел тебе написать. Но ты был при деле, при Совете, при адмиралах, а я здесь, на краю света, и мне казалось, что тебе не до меня.

— Мне было до тебя всегда, Томас.

— Знаю. — Барклай обернулся. — Что ж. Если Эдвард писал про Ливийскую пустыню, дело серьёзное. Я скажу вам всё, что знаю.

Знал он немного, но и этого оказалось достаточно, чтобы Мерсье, слушавший с блокнотом на коленях, почувствовал знакомый холодок между лопатками.

Пустыня, объяснил Барклай, начинается за горами к югу от Туниса и тянется на тысячу миль. Дальше к востоку идёт Ливия, ещё дальше Египет, а к югу от них лежит земля, которую арабы называют Бильад-эс-Судан, страна чёрных, и которую никто не мерил по-настоящему. Дорог нет. Есть караванные пути, от колодца к колодцу, и всякий, кто с них сходит, умирает. Все торговые маршруты идут через два города: Гадамес на западе и Мурзук на юге. Оттуда караваны уходят в Судан, за золотом, рабами, слоновой костью и страусовыми перьями.

— А к востоку? — спросил Мерсье. — К границе Египта?

— Туда не ходят. — Барклай покачал головой. — Там нет воды. Говорят, на сотни миль ни одного колодца. Одни камни и песок. Туареги зовут эту землю «Тенере». Не просто пустыня: пустота внутри пустоты.

Мерсье развернул на столике карту. Это был большой лист, который он чертил на «Сент-Клэре» всю дорогу от Копенгагена: береговая линия Средиземного моря, поправленная по лощинам Финча, и на ней одиннадцать точек, соединённых тонкой дугой. Четыре точки были отмечены крестиками. Пятая, далеко на юго-востоке от Туниса, светилась красным кружком.

— Вот здесь, — сказал он. — По моим расчётам, станция лежит на двадцать втором градусе северной широты и двадцать втором восточной долготы от Парижа. Приблизительно. Это около пятнадцати дней пути от Мурзука.

Барклай долго смотрел на карту. Потом снял с пояса короткую трубку, повертел её в пальцах и положил обратно.

— Это Ливийская пустыня, — сказал он. — Самое сердце. Там есть горы, невысокие, чёрные, как обожжённые кирпичи. Туареги называют их Тибести, но это дальше к югу. А здесь... — Он ткнул пальцем в красный кружок. — Здесь только песок. И то, что арабы называют «ард-эс-самум», земля горячего ветра. Ни один караван туда не идёт.

— Значит, нужен проводник, который пойдёт, — сказала Блэквуд.

— Или сумасшедший. — Барклай усмехнулся без веселья.
— Но у меня есть на примете один.

Все замолчали. Он помедлил, наслаждаясь паузой.

— Идрис бен Салем. Каравановод из Триполи. Шестьдесят лет, ходил в Судан двадцать семь раз, дважды терял караван, один раз выжил, когда остальные умерли. Говорят, он видит воду сквозь песок. Люди его уважают и боятся: он никому не лжёт и никого не прощает. Вы найдёте его в Триполи, в караван-сараях у Старых ворот. Скажите, что вас прислал Барклай. Он вам не поверит, но выслушает.

— Почему не поверит? — спросил Мерсье.

— Потому что три года назад я не дал его сыну разрешения отплыть на английском корабле. Мальчик хотел стать моряком. — Барклай вздохнул. — Идрис мне этого не простил. Но он честный человек. Он вас выслушает.

Вечером они сидели во дворе, и над белыми стенами медленно темнело южное небо. Звёзды здесь были другими: крупнее, ближе, с тем особенным мерцанием, которое бывает над горячим воздухом. Финч вышел с квадрантом и сверялся с атласом, Инес сидела рядом, диктуя цифры. Амара, привыкшая к небу над океаном, вглядывалась в созвездия, которых Мерсье не мог назвать, и тихо напевала.

Блэквуд под села к Мерсье.

— Вы что-то мрачны, — сказала она.

— Я считаю.

— Что?

— Дни. До лета. Станция откроется, если Эдвард был прав, в день солнцестояния, когда солнце стоит в зените над тропиком. Мы должны быть там двадцать первого июня. До этого семь месяцев. Две тысячи миль по морю и пустыне. И ни одного человека, который бывал там.

— Мы дойдём.

— Я не сомневаюсь. Меня тревожит другое. — Он понизил голос. — Барклай упомянул француза.

— Какого?

— Вы не слышали? Он сказал это Торну, когда вы ушли за водой. Месяц назад в Тунисе был человек из Парижа. Расспрашивал о караванах, о проводниках, об Идрисе бен Салеме. Назвался учёным, фамилия... Барклай не запомнил. Но описал: гладкий, ухоженный, вежливый, с тёмными внимательными глазами и привычкой слегка поднимать бровь.

Блэквуд замерла.

— Кремье.

— Я не уверен.

— Я уверена. — Она коротко выдохнула. — Он знает про Ливию. Откуда? Мы нигде не публиковали координат.

— Он умеет считать, Элеонор. Он сам учил меня проекциям. Если он получил копии моих таблиц до того, как они были опубликованы, а он мог, то мог дойти и до дуги, и до пятой точки.

— Но тогда он идёт впереди нас.

— На месяц. Может, на два.

Блэквуд ничего не ответила. Она долго смотрела на тёмный двор, на тусклый свет масляной лампы, на сидящих у фонтана людей, и Мерсье видел, как в ней перебираются и складываются новые расчёты.

— Что ж, — сказала она наконец. — Значит, нам нельзя тратить время на сомнения. Завтра выходим в Триполи.

— Мы не успеем подготовиться.

— Мы подготовимся в пути.

Позже, когда большинство ушло спать, Мерсье остался во дворе один. Он сидел на краю фонтана, опустив руку в тёплую воду, и слушал, как где-то за стеной тихо играет флейта. Это была странная мелодия, протяжная, с повторами, медленно перетекающая из одной ноты в другую. Он заслушался.

— Красиво, — сказал голос рядом.

Он обернулся. Ууна, босая, в одной лёгкой рубаше, которую одолжила ей Инес, стояла у колонны, обхватив себя руками. Лицо её в лунном свете казалось усталым и очень молодым.

— Вам не спится? — спросил он.

— Нет. Слишком тихо.

— Тихо? Здесь шумный город.

— Не такой тишины. — Она подошла и села на край фонтана. — Дома тишина была другая. Лёд молчит, но слышно. А здесь... — Она подняла руку, повела ей в воздухе. — Здесь

воздух пустой. Нет звука. Как будто все спрятались.

— Это жара.

— Может быть. — Ууна помолчала. — Я боюсь, Огюстен.

Он вздрогнул. Она впервые назвала его по имени.

— Чего?

— Я не знаю, как слушать это. Лёд я знала с детства. Море вы с Амарой научили. А это... — Она посмотрела на небо, где крупные южные звёзды дрожали в тёплом мареве. — Здесь всё иначе. Цвета. Запахи. Люди. Я думаю: а вдруг я не смогу? Вдруг Дом не откроется, потому что я не пойму его?

Мерсье долго молчал. Потом тихо сказал:

— Я боялся то же самое. На льду. Когда провалился под тонкий снег и вы вытащили меня за капюшон. Я понял тогда, что могу не вернуться. И ещё понял, что не вернуться — это не самое страшное.

— А что самое?

— Не попробовать.

Ууна повернула к нему голову. Улыбнулась, коротко, уголком губ.

— Это ты от Ипиртука услышал.

— От вас. В ту ночь у костра, когда вы сказали, что страх — это ум.

Она тихо рассмеялась.

— Тогда пойдём.

— Пойдём.

Она встала,правила рубаху и скользнула к дверям. На

пороге обернулась:

— Тут пахнет цветами. Я такого запаха не знала.

— Это жасмин.

— Жасмин, — повторила она, как пробуя на вкус. — Хорошее слово.

Она скрылась в доме. Мерсье посидел ещё немного, слушая, как флейта за стеной медленно затихает, пока не остался только плеск воды. Над ним, над белыми куполами и тёмными пальмами, висели чужие, крупные звёзды, и где-то там, далеко на юго-востоке, в бескрайней пустоте, которую арабы называли землёй горячего ветра, ждала их пятая станция.

Глава вторая. Караванный город

Караванный город

В Триполи они пришли в начале декабря, и город встретил их запахом, который Мерсье потом не мог забыть всю жизнь: смесью морской соли, жареной баранины, верблюжьего помета и специй, которые продавались здесь на каждом углу в

плетёных корзинах, красных, жёлтых, зелёных, как цветочные клумбы.

Это был не такой город, как Тунис. Тунис умел притворяться европейским: у него были консулы, кофейни, торговцы с французскими и английскими вывесками. Триполи не притворялся. Он стоял на краю огромной пустоты, и все его улицы, узкие, пыльные, с низкими арками и плоскими крышами, были обращены к югу. Каждая из них заканчивалась воротами. А за воротами начиналось то, чего не называли: просто «юг».

Ууна стояла на крыше дома, который им отвёл портовый чиновник, и смотрела туда.

Был вечер. Солнце опускалось за море, и в его косых лучах далёкий горизонт на юге казался горячим и слегка колеблющимся, как поверхность воды над костром. Там, за городскими стенами, за плантациями фигов и олив, за последними деревьями, начиналась жёлтая равнина, перерезанная длинными тёмными тенями. Она шла до самого края неба.

— Это что? — тихо спросила Ууна.

— Пустыня, — сказал Мерсье, поднявшийся к ней. — Это только начало. Дальше дюны, камни, плато. Потом совсем ничего.

— Вода где?

— Нет воды.

— Совсем?

— Колодцы. Раз в несколько дней пути. Между ними ни-

чего.

Ууна молчала так долго, что Мерсье уже собирался уйти. Потом сказала:

— Это лёд.

— Лёд?

— Без холода. Смотри. — Она провела рукой над горизонтом. — Те же волны. Гребни. Каждый смотрит в одну сторону. Ветер положил. Как иллуит. Только жёлтый. — Она повернулась к нему, и в глазах её горело странное, жадное любопытство. — Я думала, что боюсь. Но это то же самое. Другой цвет. Другое слово. Читать можно.

— Вы уверены?

— Нет. — Она улыбнулась. — Но хочется попробовать.

Караван-сарай у Старых ворот оказался огромным четырёхугольным двором, окружённым двухэтажными галереями, где в каждой нише, как соты в улье, жили торговцы со своими товарами и верблюдами. Верблюдов во дворе было несколько сотен: они лежали, подобрав ноги, жевали жвачку и смотрели на людей высокомерно и сонно. Пахло пылью, сеном и сыромятной кожей. Из тёмных проёмов доносились голоса на десятке языков: арабском, берберском, итальянском, турецком, а где-то в глубине, кажется, и на языке хауса.

Идриса бен Салема они нашли в самом дальнем углу двора, под навесом из пальмовых листьев.

Он сидел на кошке, скрестив ноги, и чинил верблюжью

упряжь, ловко орудуя костяной иглой. Это был сухой, жилистый старик, с лицом цвета обожжённой глины и белой бородой, подстриженной коротко, по-бедуински. На нём был простой синий бурнус и тюрбан того же цвета, закрывавший половину лба, а глаза под ним, чёрные, узкие, глубоко посаженные, казались старше его самого. Он не поднял головы, когда они подошли.

— Мир вам, — сказал Мерсье по-арабски. Он выучил это приветствие на борту, по самоучителю, купленному в Тунисе. — Нас прислал консул Барклай.

Старик чуть повернул голову.

— Барклай, — сказал он, по-французски, хриплым голосом. — Знаю такого. Он не дал моему сыну уйти в море.

— Он сожалеет, — сказал Торн.

— Он сожалеет. — Идрис усмехнулся. — Все сожалеют. Садитесь.

Они сели на кошму, кто на корточки, кто просто на землю. Идрис продолжал шить. Прошла минута, другая. Верблюд за соседней стеной тяжело вздохнул. Мерсье ждал, и ждал, и наконец понял, что старик проверяет их: сколько они выдержат, не заговорив.

— Нам нужен проводник, — сказала наконец Блэквуд. — Для долгого перехода. В Ливийскую пустыню.

— Вы не первые.

— Знаю.

— Месяц назад приходил француз. С золотом. Много зо-

лота. Просил провести его туда, куда вы хотите идти. — Идрис не поднял головы. — Я отказал.

— Почему?

— Потому что он платил золотом. Я знаю таких людей. Тот, кто платит золотом, не любит возвращаться с водой. — Он затянул последний стежок и перекусил нитку. — Он нашёл другого. Мансура, моего соперника. Глупого, жадного, хорошего человека, который умеет считать деньги, но не умеет считать дни. Они ушли три недели назад. Я думаю, что они уже мертвы.

Блэквуд и Торн переглянулись. Мерсье почувствовал, как у него сжалось сердце.

— Три недели назад, — повторил он. — Куда?

— На юго-восток. По дороге на Мурзук. Потом, говорит Мансур, сворачивать на восток, в Тенере. — Идрис впервые поднял глаза, и Мерсье увидел в них тёмный, холодный свет. — Я сказал ему: там нет воды. Он сказал: француз знает. Я сказал: француз знает, как умирают другие. Он засмеялся.

— Вы не попытались его остановить? — спросила Амара.

— Я не нянька, девушка. — Старик отложил упряжь. — Каждый человек сам решает, где ему умереть. Но вы... вы пришли ко мне. Значит, вам нужно то же самое, что и ему. Скажите, зачем.

Они рассказали ему.

Не всё, но достаточно. Мерсье говорил о древних обсерваториях, о картах из переплёта, о станциях, которые лежат

по всему миру. Он рассказал про остров в Карибском море, про прилив в Индийском океане, про лёд Гренландии. Идрис слушал молча, не перебивая, и лицо его оставалось неподвижным. Когда Мерсье замолчал, старик минуту сидел, глядя в пространство.

— Дом Света, — сказал он наконец.

— Что?

— Мой дед называл его Дар-эн-Нур. Дом Света. Он рассказывал, что в юности, когда водил караваны в Фезан, он видел его. Далеко на востоке, в самой глубине пустыни, там, где днём воздух горит. Стоит, как корабль на воде. Блестит. Но подойти нельзя: чем ближе идёшь, тем дальше он уходит.

— Мираж, — сказал Мерсье.

— Так говорят все. — Идрис кивнул. — Но дед не был дураком. Он говорил: если смотреть прямо, Дом исчезает. Если смотреть чуть в сторону, виден. Это не мираж, сказал он. Это дверь.

Все замолчали. Мерсье почувствовал, как у него по рукам побежали мурашки. Ровно так, подумал он, как говорил Эдвард: «Там, где воздух горит».

— Вы возьмётесь? — спросила Блэквуд.

— Не знаю. — Идрис встал, разминая спину. — Я стар. Мой сын хочет, чтобы я сидел дома. Жена говорит, что я уже достаточно похоронил людей. Я им верю. — Он помолчал. — Но есть одна причина, по которой я пойду.

— Какая?

— Француз. — Старик посмотрел на небо. — Он берёт то, что ему не принадлежит. И воду, и людей. Если он дойдёт до Дома первым и будет там хозяином, он убьёт его, как убивает всё, до чего дотрагивается. Я не хочу, чтобы дед ошибся. — Он повернулся к ним. — Условия мои.

— Слушаем, — сказала Блэквуд.

— Первое: никакого оружия. Только ножи для еды. Мы не воюем с пустыней. Она всегда сильнее. Второе: я решаю, когда идти и когда стоять. Если я скажу «лечь», вы ляжете, даже если над вами будет падать небо. Третье: вы слушаетесь моего сына Амина. Он пойдёт с нами, потому что я не оставлю его дома одного. Он знает пустыню лучше многих. И четвёртое. — Он обвёл их всех тяжёлым взглядом. — Каждый, кто пьёт больше своей меры, остаётся в песке.

— Согласны, — сказала Блэквуд.

— Не торопитесь соглашаться. Вы ещё не слышали цену.

— Цену?

— Пятнадцать тысяч пиастров. Половина вперёд. Верблюдов и воду покупаете сами.

Бонвиль, стоявший сзади, закашлялся. Блэквуд даже не моргнула.

— Договорились.

Идрис протянул ей сухую жилистую руку. Она пожала. И в этом рукопожатии Мерсье вдруг почувствовал то, что чувствовал когда-то в Гавре, когда Дюпон сказал: «На борту решаю я»: что этот человек не торгуется и не колеблется, и что

отныне все они принадлежат ему.

Следующие две недели ушли на сборы.

Идрис не терпел суеты, но и не терпел медлительности. Он вставал до рассвета, обходил двор, осматривал верблюдов, щупал им ноги, смотрел зубы и отбраковывал одного за другим: слабый, больной, ленивый. Остались сорок два: крепкие, рыжие, с мощными шеями и недобрыми глазами. Мерсье сперва боялся к ним подходить. К концу первой недели он научился различать их по голосам.

Бонвиль занялся припасами. Он закупил двадцать мешков фиников, десять мешков муки, ящики сушёного винограда и миндаля, бочки оливкового масла и огромные связки вяленого мяса, перевязанные верёвкой. Идрис, осмотрев закупки, поморщился и велел выбросить половину.

— Вы собираетесь жить, а не пировать, — сказал он. — Пустыня любит скромных.

— А как же тогда готовить? — возмутился Бонвиль.

— Лепёшку на камне. Кашу из проса. Финик. Всё.

— И это всё?

— Если хотите жить.

Бонвиль, к общему изумлению, не стал спорить. Он только вздохнул, взял новый список и ушёл, бормоча что-то про «кулинарное искусство в условиях ограниченных ресурсов».

Де Мело купил новых голубей и клетки поменьше, чтобы удобнее было везти на верблюдах. Вальдес приобрёл у местного мастера два бурдюка из козлиной шкуры и лично про-

верял швы на каждом. Инес часами просиживала с Амином, сыном каравановода, невысоким весёлым парнем лет девятнадцати, который, как выяснилось, мечтал о море и знал о звёздах гораздо больше, чем можно было ожидать от пустынного жителя. Они сравнивали карты, спорили о созвездиях, и к вечеру Инес призналась Блэквуд, что узнала от него больше, чем за три года в Королевской школе.

— Он говорит, что в пустыне небо читается иначе, — сказала она. — Не так, как на море. Нет горизонта. Нужно смотреть на звёзды, но ещё и на песок, потому что каждая дюна ориентирована по ветру. Это как ваши иллуиты, Ууна.

— Конечно, — сказала Ууна. — Всё читается.

Финч, оставшийся на корабле, приходил к ним каждый вечер. Он принимал грузы, подписывал бумаги и всё время поглядывал на юг. На третий день он сказал Блэквуд:

— Я не хочу оставаться здесь.

— Кто-то должен.

— Я знаю. — Финч сжал губы. — Но вы идёте туда, где никто не бывал. Без меня.

— Томас. — Блэквуд положила руку ему на плечо. — Вы капитан «Сент-Клэра». Это самое важное, что у нас есть: путь домой. Если мы не вернёмся, вы будете ждать. Если вернёмся, вы будете первым, кого мы увидим.

— А если вы не вернётесь?

— Тогда вы сообщите остальным. — Она улыбнулась. — Это тоже работа.

Финч опустил голову. Потом вдруг выпрямился.

— Я буду ждать, — сказал он. — До последнего дня.

Накануне выхода Мерсье не спал.

Он сидел на крыше, закутавшись в плащ, и смотрел, как над Триполи гаснут огни. Город затихал: умолкали голоса, перестали лаять собаки, улеглись в своих загонах верблюды. Остался только ветер, тёплый, с юга, несущий запах пыли и далёкой пустоты.

Рядом возникла Амара. Она села рядом, подобрала ноги, и некоторое время они молчали.

— Я слышала сегодня, — сказала она наконец. — Песок.

— Как?

— Он звучит. Не как море, и не как лёд. Тоньше. Выше.

— Она подняла руку, поводила пальцами в воздухе. — Как будто миллион маленьких бубенчиков. Только очень далеко.

— Это слышно отсюда?

— Слышно. Только если очень тихо.

Мерсье вслушался. Ветер шелестел в карнизах, где-то хлопала ставня. Больше ничего. Но когда он закрыл глаза и сосредоточился, ему показалось, что под этими звуками, под самым их краем, дрожит едва уловимая, высокая, прозрачная нота.

— Я слышу, — прошептал он. — Или мне кажется.

— Тебе не кажется. — Амара улыбнулась. — Ты научился.

— От вас.

— От нас всех.

Они сидели рядом, пока не посветлело небо. Потом снизу, со двора, раздался хриплый голос Идриса:

— Подъём! Верблюды ждут!

Мерсье поднялся. Рядом встала Амара. Внизу, в сером утреннем свете, двигались люди, ревели животные, звенели медные бубенцы. Караван собирался в дорогу.

А на юге, за городскими стенами, за последними оливковыми рощами, медленно поднималось над краем пустыни красное, огромное солнце.

Глава третья. Дорога через гамаду

Дорога через гамаду

Идрис бен Салем двигался по пустыне так, как другие люди двигаются по собственной комнате в темноте: не думая, но ни разу не споткнувшись.

Мерсье понял это на третий день пути. Караван вытянул-

ся длинной цепью из сорока двух верблюдов и двадцати шести людей, и старик ехал впереди, на рыжей самке по имени Лейла, чуть склонив голову набок, словно прислушиваясь к чему-то под копытами. Он редко говорил. Раз в час поднимал руку, и караван останавливался. Раз в два часа слезал, щупал землю, нюхал песок, иногда пробовал его на вкус и ехал дальше. Ни карты, ни компаса у него не было. Был только ритм, медленный, как сердце, и этот ритм передавался всему каравану.

Первую неделю шли по плодородной полосе, где ещё встречались оливковые рощи и деревни с глинобитными домами, у каждого колодца собирались дети и протягивали руки за подарками. Ууна, уже привыкшая к жаре, носила лёгкую рубашу и широкие штаны, купленные Инес на рынке, и ехала верхом, по-своему, сидя прямо, как на нартах. Верблюд поначалу бунтовал, ревел, плевался, пытался сбросить её, но через два дня сдался. Идрис, наблюдавший за этой сценой, только хмыкнул:

— Она с ним разговаривает.

— Как? — спросил Мерсье.

— Не знаю. — Старик покачал головой. — Но я тридцать лет не видел, чтобы верблюд так быстро решил, что человек сильнее.

Через десять дней деревни кончились.

Гамада началась внезапно.

Только что дорога тянулась по мягкой красноватой почве,

поросшей редким колючим кустарником, а через час земля изменилась. Исчезли кусты, исчез песок. Вокруг, до самого горизонта, лежала плоская каменная равнина, усыпанная чёрным щебнем, отполированным ветром до глянца. Камни были всех размеров: от крупинки до человеческой головы, и все одного цвета, тёмно-бурого, почти чёрного. Солнце било в них, и от каждого камня отскакивал острый блик, так что казалось, будто идёшь по стеклянной крошке.

— Гамада, — сказал Амин, ехавший рядом с Мерсье. Это был высокий весёлый парень, с шапкой чёрных кудрей и белозубой улыбкой, и с первого дня пути он взял на себя роль учителя. — Каменная пустыня. Здесь нет песка, потому что ветер унёс его далеко. Остались только камни. Самые тяжёлые.

— Очень красиво, — сказал Мерсье.

— Очень скучно. — Амин рассмеялся. — Вы привыкнете. Здесь надо смотреть вниз. Каждый камень что-то говорит.

— Например?

— Вот этот, — Амин показал на тёмный осколок с белыми прожилками, — упал с высокой горы много лет назад. Значит, мы идём на юго-восток. А вот этот гладкий, жёлтый, лежит здесь давно. Он помнит воду.

— Воду?

— Тут когда-то было море, дядя. Не знаете? Мой дед приходил в камнях раковины.

Мерсье остановил верблюда. Он слез, поднял с земли бли-

жайший камень и повертел в руках. Это был кусок известняка, потемневший снаружи, но внутри светлый, пористый, и в изломе, как в окне, виднелся тонкий, идеально закрученный завиток окаменевшей раковины.

— Аммонит, — прошептал он. — Господи. Здесь был океан.

— Давно?

— Миллионы лет. Или десятки тысяч. Я не знаю, как считать.

Он стоял с камнем в руках и вдруг ясно понял, что именно ему напоминает эта пустыня. Не лёд Гренландии, как говорила Ууна, а океан, но океан после смерти. Те же волны, те же течения, те же глубины: только без воды. Мёртвый океан, на дне которого они шли, как рыбаки по осушённому берегу.

— Огюстен, — окликнула его Блэквуд. — Мы стоим.

— Простите. — Он спрятал камень в карман. — Я сейчас.

Дни теперь были похожи один на другой, и все они сливались.

Подъём за два часа до рассвета, когда небо ещё чёрное и звёзды пылают огромные, как фонари. Холодный, почти зимний воздух, от которого стучат зубы. Быстрый завтрак: лепёшка, горсть фиников, глоток воды. Потом путь: час, два, три, пока солнце не поднимется выше мачты и не начнёт жарить так, что на камнях можно варить яйца. В полдень привал, короткий, в тени растянутых одеял. Снова путь до заката. Ужин из просяной каши, вяленого мяса и чая, густого,

горького, сладкого сразу, который Идрис называл «пустынным вином». Короткий сон на подстилках. Звёзды.

По вечерам Инес учила Ууну читать небо. Они сидели у костра, на расстеленных кошмах, и Инес, вооружённая квадрантом, показывала то на одну звезду, то на другую.

— Вот Альтаир. Вот Вега. Они образуют треугольник с Денебом. Зимой он виден рано вечером, и по нему легко найти юг.

— Я знаю других, — сказала Ууна. — У нас звёзды называются по-другому. Вон та — «Охотник, ведущий собаку». Эти три — «След на снегу». А вот эта, яркая, — глаз Дома.

— Дома?

— Так говорят. — Ууна запрокинула голову. — Она всегда стоит на одном месте. Ночь за ночью. Говорят, что Дом смотрит оттуда.

Инес застыла. Потом осторожно спросила:

— Это Полярная звезда?

— Не знаю. Но она одна не движется.

— Значит, Полярная. — Инес опустила квадрант. — Странно. Мы называем её звездой моряков. А вы называете глазом Дома. Но это та же звезда, и мы смотрим на одно и то же.

— Наверное, все смотрят на одно, — сказала Ууна просто. — Только называем по-разному.

Амин, сидевший на корточках чуть поодаль, поднял голову.

— У нас она зовётся «Гвоздь неба». На ней всё держится.

— Вот видите, — сказала Инес. — Три названия. Одна звезда.

Они замолчали. Костёр потрескивал, над камнями плыл тонкий дым. Мерсье, сидевший с блокнотом, слушал и вдруг подумал, что это, может быть, самое важное, что он понял за все годы поисков: все станции построены не для кого-то одного. Они построены для всех, кто умеет смотреть.

На двенадцатый день в караване случилась первая беда.

Это был не песчаный шторм и не разбойники. Это был Торн.

Англичанин держался хорошо. Он ехал молча, без жалоб, ни разу не попросил передышки, и все, кроме Идриса, ошибочно решили, что для него дорога не труднее, чем для остальных. Но Идрис видел. По вечерам он наблюдал, как Торн слезает с верблюда, и однажды ночью подошёл к нему и без слов взял за руку.

Ладони Торна были стёрты до мяса. Он держал поводья слишком крепко, не доверяя животному, и верёвка прорезала кожу до крови. Рубашка на плечах задубела от пота и соли. Лицо обгорело так, что на скулах пошли волдыри, и в глазах стоял тот неподвижный, затуманенный блеск, который Мерсье однажды видел у больных лихорадкой.

— Вы не говорили, — сказал Идрис.

— Не хотел задерживать.

— Дурак.

Он произнёс это спокойно, без злости. Потом позвал Хейла, и тот, ахнув, принялся обрабатывать ладони, промывая водой, которой каждая капля была на счету, и накладывая мазь из кислого масла и сушёных трав.

— Вы человек упрямый, сэр Реджинальд, — сказал Хейл, затягивая повязку. — Но здесь упрямство убивает быстрее жажды. Если вам больно, говорите. Если не можете ехать, говорите. Здесь нет чести в терпении.

— Я учту.

— Нет, не учтёте. — Врач вздохнул. — Но по крайней мере теперь я знаю, что вы человек.

Торн чуть улыбнулся запёкшимися губами.

— Раньше сомневались?

— В Лондоне вы были похожи на статую.

— В Лондоне я и был статуей, — сказал Торн тихо. — Это тоже хорошо знать.

Идрис, стоявший рядом, вдруг сказал:

— Англичанин. Завтра поедешь на Лейле.

— Это ваша верблюдица.

— Лучшая в караване. Она не рвёт уздечку. Ты будешь ехать, ничего не держа. Она сама понесёт.

— Я не могу принять...

— Можешь. — Старик отвернулся. — Это не подарок. Это экономия. Если ты упадёшь, я потеряю день. А день стоит дороже верблюдицы.

Он ушёл, и Торн долго смотрел ему вслед. Потом негром-

ко, ни к кому не обращаясь, сказал:

— Хороший человек.

— Лучший, кого я знал, — ответил Мерсье, не оборачиваясь.

На семнадцатый день они нашли лагерь.

Его заметил Амин, ехавший впереди с дозором. Он вернулся, не говоря ни слова, и лицо у него было такое, что Идрис, увидев его, молча остановил караван.

Лагерь стоял в ложбине между двумя каменными грядками, на месте старого колодца. Ничего необычного в нём не было: тридцать верблюжьих скелетов, наполовину засыпанных песком, развалившиеся палатки из чёрного войлока, груды выброшенных выюков, разбитые бурдюки. Всё это выглядело так, словно здесь недавно шла битва, но следов битвы не было. Были только следы ухода: быстрого, спокойного, хорошо подготовленного.

— Здесь стояли три недели назад, — сказал Идрис, проходя между палатками. Он нагибался, трогал вещи, нюхал воздух. — Вот пепел. Его намочило дождём. Дождей не было с ноября. Значит, раньше. Вот след сапога. Не туарегский. Не арабский. Европейский.

— Кремье, — сказала Блэквуд.

— Или его человек. Они ушли отсюда на восток. Вот след, видите? Четыре верблюда, не больше.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.